

УДК 81'000

ИНВЕКТИВА / ОСКОРБЛЕНИЕ: АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ**Г. С. Иваненко^{1, @}**¹ Челябинский государственный педагогический университет
@ gala.april@mail.ru

Аннотация: Экспертное рассмотрение высказываний и текстов на предмет наличия оскорбления по-прежнему остается проблемной сферой лингвоэкспертологии. В статье рассматриваются признаки инвективно-коммуникативного акта и выделяются те факторы, анализ которых в рамках компетенции лингвиста помогает эксперту охарактеризовать содержание и форму речевого воздействия. Отвергая формально-стилистический подход к понятию нормы в сфере речевого взаимодействия и к ключевой для разбирательств об оскорблении характеристике «неприличная форма», автор настоящей статьи предлагает подход лингвокоммуникативный, опирающийся на анализ компонентов речевого акта.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, инвектива, оскорбление, речевой акт, коммуникация, неприличная форма выражения.

Для цитирования: Иваненко Г. С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 129 – 135.

На настоящий момент в теории и практике лингвоэкспертологии остаются актуальными вопросы методологии исследования конфликтных речевых произведений. Обзору спорных аспектов исследования высказываний на предмет наличия признаков инвективности и посвящен настоящий материал.

Проблемами **инвективы** (восходит к лат. *invectivus* – хулительный, полный оскорблений, поношений; бранная речь) и инвективности лингвисты активно начали заниматься уже в конце прошлого века, например, Бельчиков [2], в том числе сибирские ученые Н. Д. Голев [5; 6; 8], В. И. Жельвис [9]. Угол зрения, с которого в этих работах рассматривалась оскорбительность, охарактеризуем как антропоцентричный: исследователей интересовали чувства людей, реальный эффект речевого воздействия. В начале XXI века наблюдается активизация употребления термина *инвектива* и исследования содержания, стоящего за ним в отечественной лингвистике, во-первых, в силу актуализации обозначаемого этим словом явления в публичной сфере; во-вторых, по причине «оживления» не работавших ранее на практике правовых норм, защищающих честь и достоинство человека; в-третьих, из-за стремительного развития, вслед за названными ранее факторами, лингвоэкспертной практики и формирования теории лингвистической экспертизы. Последнее обстоятельство обострило актуальность исследований «хулительной речи», отраженных в работах на стыке лингвистики и права, в частности исследованиях Араевой, Осадчего [1]; Бринева [4], Голева [7]; Жельвиса [10; 11]; Иваненко [12]; Стернина [15]; Кусова [13; 14]. Но изменился ракурс взгляда на проблему. Его можно условно назвать квалификационным, поскольку в работах обсуждается не столько вопрос инвективы как результата речевого воздействия, сколько условно-экспертная квалификация: что можно/нельзя считать инвективным/оскорбительным в правовом смысле, как соотносятся лингвистические и юридические категории? Смена угла зрения обусловлена обстоятельствами, но, как будет видно из последующих рассуждений, юрис-

центричность зачастую приводит к формоцентричности, в которой кроются определенные опасности.

Латинское понятие *инвектива* синонимично русскому *оскорбление*, и в современной науке функционируют оба термина. Объяснить сосуществование дублирующих друг друга по смыслу номинаций можно потребностью в дифференциации понятий различных предметных сфер. Слово *оскорбление* оказалось полифункциональным и полидискурсивным.

В сфере межличностного взаимодействия оно обозначает и коммуникативную ситуацию понижения одним лицом другого в статусе, и выражение крайне негативного отношения к кому-либо, и чувство, испытываемое объектом агрессивной речи или негативной оценки – широкую гамму речевых и неречевых действий и состояний как проявления человеческих взаимоотношений.

В лингвистике *оскорбление* называют жанром, речевым актом, коммуникативным действием. Понятие приобретает статус термина.

В юриспруденции *оскорбление* – правовая квалификация, которая определяет основное содержание нескольких правовых норм: 6.51 КоАП (ст. 130 УК РФ «Оскорбление» декриминализована; на настоящий момент оскорбление образует состав административного правонарушения), 319 УК РФ (оскорбление представителя власти), 297 УК РФ (неуважение к суду), 336 УК РФ (оскорбление военнослужащего), содержание понятия *оскорбление* входит в законодательные акты антиэкстремистского законодательства (ст. 282 УК РФ). Ко всем видам оскорбления применяется определение, содержащееся ранее в ст. 130 УК РФ, а затем перенесенное в 6.51 КоАП: «**оскорбление** – умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме».

Из приведенного перечня функционирования номинации *оскорбление* следует, что она употребляется в следующих дискурсах: разговорно-бытовом, психологическом, лингвистическом, правовом. При этом словесное обозначение меняет свой статус, эволюционируя от номинации понятия через термин к пра-

новой квалификации. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в различных предметных сферах оскорбление имеет различные признаки, описывается средствами различных метаязыковых систем, номинирует различные явления реальной действительности. Например, уход невесты со свадьбы в аспекте межличностных и социальных отношений, скорее всего, будет воспринят стороной жениха как оскорбление, но не будет считаться таковым в юридическом аспекте.

В название статьи вынесены номинации *инвектива/оскорбление* для рассмотрения явления в двух дискурсивных практиках, на пересечении лингвистики и права.

Итак, условно обозначим *инвективной* речевое агрессивное действие по понижению статуса адресата. В ходе инвективного воздействия одно лицо адресует другому негативный речевой посыл, направленный на его психологическую дестабилизацию. По прагматическому коммуникативному результату инвектива – нанесение удара по психике человека, речевое ранение, а возможно, и убийство. Сущность же этого удара для потерпевшего заключается, во-первых, в восприятии крайне негативной характеристики или отношения коммуниканта, во-вторых, в неспособности продолжать общение (защитить себя, вступить в спор) и разрешить конфликт, выведенный оскорбителем за границу нормальных, не табуированных форм и средств воплощения. В-третьих, в случае публичного оскорбления дополнительной причиной психологического дискомфорта адресата инвективы является осознание публичного понижения в статусе.

На инвективное произведение речи можно посмотреть с трех позиций инвектива – это (1) речевой акт, (2) речевое воздействие и (3) результат речевого воздействия. Подход к событию с разных ракурсов обуславливает потенциальную возможность его различных квалификаций. Так, речевое воздействие (2), прогнозируемое адресантом как жанр упрека / понуждения / энергетической разрядки, может быть интерпретировано адресатом (3) как инвектива. Третья сторона – лингвист охарактеризует речевой акт (1), приняв заявленную позицию адресата (3) или адресанта (2), притом неизвестно, совпадает ли декларируемое ими намерение и эффект реальным. Лингвист имеет возможность объективировать результаты своего анализа, изучив контекст, учитывая дискурс, реакции коммуникантов, опираясь на квалификацию языковых средств как нормативных/ненормативных. Но все-таки, подключив весь имеющийся в арсенале современного филолога арсенал методических средств, исследователь не сможет во всех случаях и наверняка определить, имел ли адресант намерение дестабилизировать адресата и действительно ли объект воздействия испытал чувство унижения. В силу названных причин квалификация речевого акта лингвистом как инвективного или неинвективного:

1) неизбежно односторонняя, поскольку в обобщенной характеристике речевого акта объединены два далеко не всегда совпадающих ракурса: источника речи и получателя;

2) в значительной мере гипотетическая, так как она основана на объективных данных словарей и дру-

гих источников объективного и обобщенного знания, но не на изучении нормативной системы посылов и реакций конкретной речевой личности, что практически невозможно или с трудом реализуемо.

Несмотря на обозначенные погрешности в выводах, исследование лингвистическими средствами речевого акта на предмет реализации признаков инвективности все же имеет смысл. Как в целях выявления катализаторов конфликтогенности для развития лингвоконфликтологии, так и для решения экспертных задач. Само указание на **факторы инвективности** в рамках лингвокоммуникативистики и анализ значимых языковых и речевых фактов способствуют объективации судопроизводства при решении вопроса об оскорблении как деянии в правовом статусе. Общеизвестным в лингвоэкспертологии стало понимание: инвектива в лингвокоммуникативном смысле не тождественна понятию «оскорбление» в праве. Юридическая сфера конвенциональна, а чувства и состояния людей хотя и зависят от установлений социума, определяются не только и не столько ими. Оскорбление как противоправное деяние изъяли из уголовного кодекса, и оно потеряло такой квалификационный признак, как умысел. В коммуникативном же аспекте характеристики инвективы не изменились.

Обозначим факторы инвективности как категории лингвокоммуникативной и соотнесем их с факторами оскорбления как категории правовой. На настоящий момент в лингвоэкспертологии сложилась практика рассматривать **три основных фактора** инвективного речевого акта, и потребность в анализе именно этих признаков не подвергается сомнению [1, 3, 4, 12, 13], хотя содержание каждой категории и ее наполнение рассматриваются нетождественно.

1. **Фактор адресации.** В реальной коммуникации человек может почувствовать себя инвектумом, то есть оскорбленным, в самой широком спектре ситуаций. Не только агрессивные слова, адресованные конкретному лицу, но и чья-либо манера речи, использование нелитературной лексики, несоответствие образцам достойного поведения могут восприниматься как инвективные. В правовом же аспекте оскорбление должно относиться именно к лицу, притом к истцу. Не все вопросы относительно фактора адресации имеют однозначные ответы. Так, спорными до сих пор являются следующие вопросы.

А. Не очевидно, какую роль в процессе оскорбления играет контактность инвектора и инвектума. Очевидно, мера ситуативного деструктивного воздействия выше при контактном общении, особенно при поддержании агрессивного посыла соответствующей интонацией. В то же время отсроченный дестабилизирующий эффект, скорее всего, более стойкий при дистантном воздействии через письменный текст или третье лицо. Правовое же определение оскорбления не содержит конкретизации по настоящему вопросу.

Б. На настоящий момент принято считать, и небезосновательно, что оскорбление может относиться только к лицу. Остается открытым вопрос: может ли быть оскорблен конкретный человек как часть группы? В делах об оскорблении ответ на настоящий вопрос обычно отрицательный, а в делах об экстремизме, напротив, положительный. Опираясь лингвисти-

ческими категориями, нельзя забывать о возможности языка соотносит одну номинацию с несколькими и многими субъектами: *Все вы X*, где X – инвективная характеристика, отношение.

2. Фактор содержания. Относительно содержательного компонента инвективы высказываются самые разнообразные точки зрения. Вплоть до крайней: содержание не существенно, в отличие от формы.

А. Согласно широкой трактовке, инвектива охватывает речевые средства диффамационного характера различной степени экспрессии и меры негатива [2; 17]. Это взгляд с точки зрения объекта воздействия: негативные эмоции от полученного речевого удара – маркер инвективы. Противостоящее такой позиции стремление дифференцировать исследуемое явление в плоскости субъективное/объективное [3; 11; 15] и сузить нишу инвективности закономерно. В то же время содержащийся в широком взгляде на инвективу потенциал сосредоточенности на семантическом анализе сегодня стал особенно актуален. Лингвистическое сообщество увлеклось обсуждением вопроса о содержании оскорбления в правовом смысле и несколько забыло о своей предметной обязанности – исследовать языковые и речевые средства выражения смыслов, порождающих определенный коммуникативный эффект. Поэтому при описании содержания инвективного воздействия, как нам представляется, лингвисту-эксперту стоит предать забвению все свои знания о правовых последствиях оскорбления, вспомнить «доэкспертную» эпоху лингвистики и установить взаимосвязь между языковым фактом и его коммуникативным результатом.

Б. Становится все менее популярной, но до сих пор существует версия, что оскорбление предполагает реализацию содержания ст. 152 ГК РФ «Распространение порочащих сведений» плюс «неприличная форма выражения». Выражалась также мысль, распространенная и сегодня, о том, что при оскорблении обязательно должна быть дана характеристика личности [3, с. 540]. Отсутствие характеристики означает отсутствие оскорбления – доказывают лингвисты во многих экспертизах. Представляется неправомерным лишать язык его модальной функции и оставлять за ним исключительно денотативную. Не только выражение характеристики, но и выражение оценки и отношения могут быть оскорбительными, естественно, при условии негативного характера и выраженности в неприличной форме.

В. Неизменной остается наша убежденность в том, что единственное константное содержание инвективы лежит в плоскости не логико-денотативной, коннотативной или эмотивной, а прагматической: содержание оскорбительной речи – понижение в статусе оппонента с целью а) его дестабилизации и /или б) понижения его ценности в глазах окружающих. Инвектива в речевой сфере аналогична такому физическому действию, как облить грязью. Воплощается ли при этом инвектива в информационном сообщении, оценочном, характеризующем или модальном – вопрос не содержания, а формы: стратегии и тактики, средства реализации. Прагматику в данном случае не отождествляется с умыслом. Прагматика – объектив-

ная роль языковых средств, выявленная в ходе анализа. Согласно предлагаемому взгляду, инвектива,

1) в отличие от позиции А), уже диффамации: инвективна не частная, а обобщенно-негативная характеристика или выражаемое отношение, то есть характеристикой, выражением оценки или отношения выражается полная ничтожность личности;

2) в отличие от позиции Б), шире характеристики, включает оценку и отношение, то есть не соотносится с диспозицией ст. 152 ГК РФ.

3. Фактор формы. Наиболее спорным аспектом инвективы как коммуникативного поступка и оскорбления как деяния, попадающего под правовую квалификацию, является понимание «неприличной формы выражения». Можно выделить противостоящие трактовки: широкую и узкую. Сторонники широкого понимания оскорбления относят к инвективной лексике и фразеологии языковые единицы с диффамационным потенциалом: *вор, мошенник, дерьмокраст, фашист* [2, с. 67]. Согласно другой позиции, оскорбительными в правовом смысле являются исключительно обценные слова (табуированные, мат), которые в русском языке объединены в несколько словообразовательных гнезд [15]. Высказана позиция, согласно которой «неприличная форма» реализуется как минимум нелитературными языковыми средствами, как максимум – обценной лексикой [1]. Оба взгляда сосредоточены на анализе лексики и фразеологии, а не коммуникативного акта как комплекса факторов, хотя лингвистике давно известно, что отдельная языковая единица обладает коннотативным потенциалом различных зарядов. Например, слово *ручки* потенциально содержит в себе и позитивную, и негативную коннотацию, а в определенном контексте в комплексе с другими средствами может выражать инвективу: «*Не трогай ты своими грязными ручками таких понятий, как народ. Тебе ближе проститутки в туалете, окурки, плавающие в унитазе*» (в контексте публичной дискуссии).

Представляется, что инвектива как речевой акт, речевое воздействие и коммуникативный эффект в аспекте формы:

1) уже круга диффамационных средств;

2) шире круга нелитературных / нецензурных средств языка.

Без рассмотрения наполнения понятия «неприличной формы выражения» соотнести его с реальными речевыми актами невозможно.

Формально-стилистический подход и к инвективе, и к оскорблению представляется неоправданным. В аспекте прагматической задачи унижения оппонента избрание языкового средства обусловлено обстоятельствами и средой и является вопросом техники.

Кратко выразим сформированную позицию по данному вопросу:

А. Неприличная форма не то же самое, что нелитературная / нецензурная лексика. Согласно данным словарей, *неприличный* – противоречащий принятым в обществе правилам приличия. В лингвистике отсутствует характеристика лексемы как «приличной», а также соответствующая лексикографическая помета. Это значит, что категория «приличности» относится не к числу языковых, а к числу этико-культурных.

Б. Этико-культурные нормы, в частности приличность/неприличность, исторически, социально, этнически, ситуативно обусловлены.

В. Невозможно охарактеризовать языковое средство как приличное / неприличное без учета всех факторов коммуникативного акта: места, времени коммуникации, наличия свидетелей, характера взаимоотношений между коммуникантами, их предшествующего опыта общения и др.

Г. Мнение лингвиста о приличности / неприличности в данных обстоятельствах того или иного речевого акта может быть аргументировано, но не может быть верифицировано.

Экспертная практика привела к выводу, что названные ранее три параметра – программа минимум лингвистической экспертизы по делу об оскорблении. Если есть соответствующая информация, предметом исследования должны стать также параметры, которые условно назовем **факультативными**, но не потому, что их значимость вторична, а потому, что далеко не всегда имеется возможность их изучения. Учет любого из приведенных далее факторов может привести к изменению выводов на диаметрально противоположные.

4. Фактор дискурса. Дискурсивная специфика коммуникации во многом определяет и ее форму, и содержание, а следовательно, соответствующие параметры деструктивного речевого воздействия. Разные дискурсы принимают за норму различные образцы. Если коммуниканты долгое время функционируют в среде, в которой стилистически сниженная лексика является нормой, данное обстоятельство нельзя не учитывать при описании характера включенного в этот дискурс речевого произведения. Это не значит, что лингвист категорично заявит об отсутствии инвективы. Нельзя исключать возможности длительного внутреннего дискомфорта инвектума, вылившегося наружу в конкретный момент. Но вписать конкретную ситуацию в сложившуюся речевую практику необходимо для осмысления как минимум вопроса об остроте и исключительности / типичности, а следовательно, дискурсивной нормативности / ненормативности рассматриваемого коммуникативного посыла. Какую роль сыграет данный фактор в принятии судом решения – вопрос вне компетенции лингвиста. Вариативность интерпретаций также не исключена [8; 9].

5. Фактор контекстуальной обусловленности использованного языкового средства. Речь идет о контексте не только речевом, но и ситуативном. Ход диалога или монолога помогает понять, какие информационные и эмотивные послы исходили от всех участников коммуникации, а вследствие этого определить характер коммуникативной стратегии и тактики. Возможно установить, насколько органично конкретное языковое средство вписывается в контекст коммуникации, служит ли оно оборонительным или наступательным коммуникативным стратегиям, осуществляет роль удара в целях доминирования или сохранения собственного репутационного положения. Важно понять, какие речевые средства были симметричными, а какие – асимметричными. Вне контекста невозможно установить характер, силу, цель и направленность речевого удара.

В равной мере важен не только вербальный, но и ситуативный контекст. Реакция на физическое насилие в виде брани уже не выполняет функцию речевой агрессии с целью понижения в статусе, а становится средством блокировки таковой, а также может сопровождать выброс негативных эмоций, вызванных физической болью и испытанным чувством унижения.

6. Фактор интенциональности. Оскорбление может быть интенционально запрограммировано и не запрограммировано. Ненамеренное оскорбление может быть результатом

1) различных коммуникативных кодов, отражающих нетождественность культурной нормы: а) этнического б) возрастного в) гендерного г) социально-образовательного уровней;

2) несовпадения ситуативной трактовки состояния и интенций коммуникантов.

Целью намеренного (осмысленного) оскорбления является понижение коммуникативного статуса оппонента, выведение диалога (очного или заочного) за рамки принятых норм как декларация пренебрежения, презрения. При наличии свидетелей, в частности в СМИ, оскорбление преследует не в меньшей мере цель понизить статус объекта оскорбления в глазах общественности. В последнем случае положение оскорбленного усугубляется невозможностью адекватной компенсирующей реакции в психологически релевантный промежуток времени.

Далеко не всегда интенция декодируется, но возможность извлечения информации о прагматической направленности речевого акта в результате рассмотрения всех лингвистических и связанных с ними экстралингвистических факторов не исключена.

Покажем, какую роль выполняет в ходе анализа каждый из названных факторов. Лингвисту для анализа поступает произведение речи: «Дура!». Вопрос: «Является ли слово «дура» оскорбительным?». Сначала подойдем к вопросу с формоцентрической точки зрения. Дура – слово литературное, значит, оно не относится к обценной лексике, следовательно, высказывание нельзя считать оскорбительным.

Теперь посмотрим на ситуацию с позиций коммуникативистики. Сначала выясним характер коммуникативной ситуации, **дискурс и контекст**. Обстоятельства следующие: в магазин вбегает недавно уволенная сотрудница и начинает бросать в лицо продавцу упреки в глупости, профессиональной несостоятельности, сопряженные с упоминанием обстоятельств производственного и личного характера, с негативными прогнозами относительно будущего. Используемая лексика литературная. Самое резкое слово с негативной оценкой – «дура». Без характеристики коммуникантов описание коммуникативного акта будет неполным: адресант – женщина зрелого возраста, бывший начальник адресата; адресат – молодая беременная женщина, ныне оказавшаяся на месте уволенной. Дополнительные характеристики обстоятельств коммуникации: в магазине находятся покупатели. И самое главное: весь монолог произносится не просто на повышенных тонах, а на надрыбе, без пауз и сопровождается бросанием в адресата попадающих под руку вещей, в том числе снятых с полок товаров,

что не наносит никакого физического вреда, но является знаком презрения (показания свидетелей, видео).

Проанализируем речевой акт, следуя неизбежному принципу филологического анализа рассматривать языковую единицу в контексте и дискурсе. **Адресатом речи** стала именно молодая беременная женщина, на что указал и посыл голоса, и направление движения адресанта, и обращения. **Содержание речи** – обвинения и упреки, справедливые или нет – вопрос вне компетенции лингвиста. Смысл их концентрированно выражен в слове «дура», представленном на рассмотрение. Безусловно, лексема обладает богатым коннотативным потенциалом и определяет свое значение, обрастает смыслами только в контексте. В данном случае оно лишено коннотаций дружеского «своего» общения и выполняет инвективную роль: показывает коммуниканту и всем окружающим его низкий статус. Конечно, можно усмотреть в высказываниях и выражение мнения, и предупреждение, и много других компонентов содержания, но дискредитирующий аспект речи в любом случае имеет место. Молодая женщина оказалась в ситуации унижения: она стала объектом публичного поношения и принижения и не могла ответить симметрично в силу возраста, статуса, психологических особенностей. **Форма речи.** По этому пункту ответы лингвистов будут, безусловно, различаться. Представляется, что для публичного места не является нормой:

- а) выяснение личных отношений;
- б) негативная личностная оценка вне связи с общественно значимыми и обусловленными профессиональным общением процессами;
- в) повышенный тон речи;
- г) сопровождение речевой агрессии агрессивными физическими действиями.

Иными словами, произошедшая сцена не является нормой, она нарушает сложившиеся правила поведения и является неприличной. Такова характеристика не одного слова, а коммуникативного акта. **Дискурс и контекст** стали фактуальной основой для рассмотрения основных параметров коммуникативного акта. **Интенция** следует из ситуативного контекста: увольнение сотрудницы произошло несколько дней назад, поэтому реакция не стихийная, равно как и избрание местом выяснения отношений торговый зал. **Перлокутивный эффект** описанного коммуникативного акта: через полторы минуты под напором агрессии у адресата речи начался приступ астмы, который блокировали только врачи скорой помощи. Сама физиология адресата отразила содержание и эффект коммуникации. Конечно, такой маркер не всегда имеется в арсенале интерпретационных средств. Но и анализа факторов коммуникативного акта достаточно, чтобы признать его инвективным в лингвокоммуникативном аспекте. Правовая система может делать свои выводы, учитывая иные факторы и обстоятельства.

В приведенном примере важным для рассмотрения обозначенной проблемы является несовпадение результатов анализа слова на формально-стилистическом уровне и слова как коммуникативного акта на уровне прагматическом.

Обобщим сказанное.

1. Оскорбление – полифункциональное и полидискурсивное явление, и при упоминании этого понятия следует уточнять, о каком предметном статусе идет речь. В рамках лингвистической компетенции оскорбление (инвектива) – явление более широкое, чем оскорбление в правовом поле.

2. Несмотря на неполное совпадение оскорблений в лингвокоммуникативном и юридическом аспектах, именно анализ спорного речевого акта как произведения речи и коммуникации в рамках лингвистического исследования является основой правовой квалификации. В то же время лингвист должен осознавать границы своей компетенции и рассматривать оскорбление именно как инвективу – агрессивный речевой акт деструктивного (дестабилизирующего и/или диффамационного) характера.

3. Объективации судебного решения послужит рассмотрение лингвистом следующих факторов: характера адресации, содержания, формы, дискурса, контекста, интенции.

4. При лингвистическом исследовании речевого акта следует учитывать различные ракурсы: кодировки адресантом и декодировки адресатом, – которые могут не совпадать в силу различия коммуникативных кодов.

5. Инвектива – явление не только и не столько языкового, сколько этико-культурного уровня. Поэтому лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении преследует цель вскрыть содержание конфликтного речевого акта, смысл информационного и эмотивного посыла от адресанта к адресату, соответствие его содержания и формы коммуникативной норме данного социума в предлагаемых обстоятельствах, иллюкутивная направленность и перлокутивный эффект высказывания.

И, наконец, интерпретация такого объема разнородной информации, с неизбежным выходом в сферу прогнозирования о возможном перлокутивном эффекте высказывания, не может не быть вариативной. Печальный вывод, с одной стороны, уводит от желанного берега с твердой почвой под ногами, с другой – избавляет от миражей очевидности, которые могут привести стремящегося к однозначности лингвиста к видимости объективности. Методология, стоящая на одной опоре (обценная лексема / необценная), до бессмысленности упрощает сложную систему речевых воздействий и сводит результаты правовой защиты от речевой агрессии к формальным характеристикам, не соотносящимся с реальными результатами коммуникации. Коммуникативный же подход к инвективе и оскорблению, снятие с понятия **неприличный** статуса формально-языкового явления и включение его в контекст этико-культурных, функционально обусловленных категорий, хотя и приведет к вариативности интерпретаций, осложнит экспертный анализ, но зато углубит и объективирует его, приблизит к раскрытию содержания произошедшего речевого события.

Литература

1. Араева Л. А., Осадчий М. А. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы в рамках дел о защите чести и достоинства о клевете и оскорблении // Рос. юрид. журн. 2006. № 2. С. 86 – 94.
2. Бельчиков Ю. А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. 2002. № 4. С. 66 – 74.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2013.
4. Бринев К. И. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Юрислингвистика. 2011. № 11. С. 330 – 339.
5. Голев Н. Д. Речевой жанр ссоры и инвективные фреймы в рассказах В. М. Шукшина // Культура. Образование. Духовность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Бийского госпединститута. Ч. 2. Бийск: НИЦ БиГПИ, 1999. С. 109 – 112.
6. Голев Н. Д. Юрислингвистика и прагматика: о двух стратегиях обвинения в словесной инвективе и защиты от него // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: тез. докл. к региональной науч.-практ. конф. памяти профессора И. А. Воробьевой (70 лет со дня рождения) / под ред. В. А. Чесноковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 146 – 148.
7. Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики: материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного университета (Томск, 21 – 23 октября 2003 г.). Томск, 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 92 – 97.
8. Голев Н. Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом // Житниковские чтения-7: Диалог языков и культур в гуманистической парадигме: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Новоселова. Челябинск, 2004. С. 114 – 116.
9. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 352 с.
10. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 194 – 206.
11. Жельвис В. И. «Оскорбление» или «обида»: попытка дифференциации // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 155 – 162.
12. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск: Полиграф-мастер, 2006.
13. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
14. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013. № 5. С. 43 – 48.
15. Стернин И. А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. Томск. 2006.
16. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 126 – 137.

Информация об авторе:

Иваненко Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, gala.april@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2016 г., принята к печати 07.06.2016 г.

ACCUSATION / INSULT: ASPECTS OF THE QUALIFICATION IN EXPERT PRACTICE

Ivanenko *Galina S.*^{1,@}

¹ *Chelyabinsk State Pedagogical University*
@ gala.april@mail.ru

Abstract: Peer review of statements and texts for insult still remains a challenging field of linguotextology. The paper discusses the signs of invective communicative acts, and describes those factors, the analysis helps the expert to describe the content and form of speech influence. Rejecting the formal-stylistic approach to the concept of norms in the field of speech interaction and to the characterization of “indecent form”, which is the key to the proceedings of the insult, the author of this paper offers a linguistic and communicative approach, based on the analysis of the components of the speech act.

Keywords: linguistic expertise, invective, insult, speech act, communication, vulgar form of expression.

For citation: Ivanenko G. S. Accusation / insult: aspects of the qualification in expert practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 129 – 135.

References

1. Araeva L. A., Osadchii M. A. Problemy sudebno-lingvisticheskoi ekspertizy v ramkakh del o zashchite chesti i dostoinstva o klevete i oskorblenii [Problems of forensic linguistic examination within the framework of cases of defamation and insult libel]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal – Russian law journal*, no. 2 (2006): 86 – 94.
2. Bel'chikov Iu. A. Invektivnaia leksika v kontekste nekotorykh tendentsii v sovremennoi russkoi rechevoi kommunikatsii [Invective vocabulary in the context of some of the trends in modern Russian speech communication]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, no. 4 (2002): 66 – 74.
3. Baranov A. N. *Lingvisticheskaiia ekspertiza teksta* [Linguistic expertise teksta]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.
4. Brinev K. I. Problema ekspertnoi otsenki oskorbleniia. Oskorblenie v pravosoznanii lingvista. Oskorblenie kak rechevoi akt [Problem peer review insults. Insult to the sense of justice of the linguist. Insulting a speech act]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 11 (2011): 330 – 339.
5. Golev N. D. Rechevoi zhanr ssory i invektivnye freimy v rasskazakh V. M. Shukshina [Speech genre of argument and invective frames stories in V. M. Shukshin]. *Kul'tura. Obrazovanie. Dukhovnost': Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu Biiskogo gospedinstituta* [Culture. Education. Spirituality: Proc. all-Russian Sc.-Prac. Conf. dedicated to the 60th anniversary of the Biysk state pedagogical Institute]. Biisk, NITs BiGPI, 1999, part 2, 109 – 112.
6. Golev N. D. Iurislingvistika i pragmatika: o dvukh strategiiakh obvineniia v slovesnoi invektive i zashchity ot nego [Yurislingvistika and pragmatics: two charges strategies in verbal invective and protection from it]. *Iazykovaia kontsepsiia regional'nogo sushchestvovaniia cheloveka i etnosa: Tez. dokl. k regional'noi nauch.-prakt. konf. pamiati professora I. A. Vorob'voi (70 let so dnia rozhdeniia)* [The concept of regional linguistic human existence and ethnicity: Proc. Reg. Sc.-Prac. Conf. in memory of Prof. I. A. Vorobyeva (70 years since birthday)]. Ed. Chesnokova V. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999, 146 – 148.
7. Golev N. D. Iurislingvisticheskii slovar' invektivnoi leksiki russkogo iazyka (k postanovke problemy) [Yurislingvistichesky Dictionary invective Russian vocabulary (to the problem)]. *Aktual'nye problemy rusistiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu tomskoi dialektologicheskoi shkoly i 125-letiiu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk, 21 – 23 oktiabria 2003 g.)* [Actual problems of Russian studies: Proc. Intern. Sc. Conf. devoted to 85-th anniversary of Tomsk dialect school and the 125th anniversary of Tomsk state University (Tomsk, October 21 – 23, 2003)]. Tomsk, part 1, vol. 2 (2007): 92 – 97.
8. Golev N. D. Mnozhestvennost' interpretatsii rechevykh proizvedenii kak faktor kommunikativnogo konflikta mezhdu ikh avtorom i adresatom [The multiplicity of interpretations voice works as the factor of communicative conflict between their author and the addressee]. *Zhitnikovskie chteniia-7: Dialog iazykov i kul'tur v gumanisticheskoi paradigme: Materialy nauch. konf.* [Janikowski reading-7: Dialogue of languages and cultures in the humanistic paradigm: Proc. Sc. Conf.]. Ed. Novoselova N. A. Cheliabinsk, 2004, 114 – 116.
9. Zhel'vis V. I. *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naia problema v iazykakh i kul'turakh mira* [Battlefield: Swearing as a social problem in the languages and cultures of the world]. 2nd ed. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladomir», 2001, 352.
10. Zhel'vis V. I. Slovo i delo: iuridicheskii aspekt skvernosloviia [Word and Deed: legal aspect]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 2 (2000): 194 – 206.
11. Zhel'vis V. I. «Oskorblenie» ili «obida»: popytka differentsiatsii ["Insult" or "insult": an attempt to differentiate]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 9 (2008): 155 – 162.
12. Ivanenko G. S. *Lingvisticheskaiia ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoi reputatsii* [Lingvisticheskaya expertise in the protection of the honor of processes, dignity and business reputation]. Cheliabinsk: Poligraf-master, 2006.
13. Kusov G. V. *Oskorblenie kak illokutivnyi lingvokul'turnyi kontsept*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Insult both illocutionary lingvokul'turnyj concept. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2004.
14. Kusov G. V. Sudebnaia lingvisticheskaiia ekspertiza «oskorbleniia»: reshenie problemy «neprilichnaia forma» [Forensic linguistic examination "insults": solving the problem of "indecent form"]. *Rossiiskii sud'ia – Russian judge*, no. 5 (2013): 43 – 48.
15. Sternin I. A. Oskorblenie i neprilichnaia iazykovaia forma kak predmet lingvisticheskoi ekspertizy (bytovoe i iuridicheskoe ponimanie) [Insults and obscene language form as an object of linguistic expertise (domestic and legal understanding)]. *Antropotekst-1* [Antropotekst-1]. Tomsk, 2006.
16. Sharifullin B. Ia. Iazykovaia agressiia i iazykovoie nasilie v svete iurislingvistiki: problema invektivy [Language aggression and violence in the light of linguistic iurislingvistiki: problem invective]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 5 (2004): 126 – 137.

Received 20.02.2016, accepted 07.06.2016.